

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ СИСТЕМА ДРЕВНЕТЮРКСКОГО ГОСУДАРСТВА

В статье затрагиваются проблемы организации государственного управления у древних тюрков на горизонтальном уровне. Формирование любого государства предполагает структурную сегментацию центральной власти и сочетание ее с властью на местах. Кочевое государство, как и любое другое по типу государственное объединение, нуждается в административно-территориальной системе организации управления, но осуществляет это со своим своеобразием – сохранением трайбалистской праосновы общества.

Осуществление государственной власти предполагает одну общую закономерность – формирование административно-территориальной системы, без которой невозможно выстроить горизонтальный уровень управления обществом. Под структуризацией власти мы понимаем также формирование административно-территориальной системы, которая является первым признаком разрастания социума до такого уровня, когда требуется сегментировать первоначальную государственную власть для более эффективной организации управления обществом на местах в регионах. В основе такого управления – структуризация власти на горизонтальном уровне. Меньшую экономическую ценность кочевий и пастбищ у кочевых скотоводов по сравнению с обрабатываемыми полями землевладельцев часто трактуют как малую ценность территории для кочевников. В современной теории права и государства считается установленным, что в природе государства, в отличие от других форм власти, объектом является прежде всего население, разбитое по территориальному признаку, и лишь потом влияние власти на индивидов и на социальные группы, проживающие на этой территории. Вследствие этого возникло мнение, что «говорить о государственных институтах власти у кочевников весьма проблематично, ибо у них не было территориального подхода к институтам власти» [1, с. 76-77], т. е. отсутствовало представление о принципе территориальности.

В этой важной проблеме нужно вычлени три совершенно различных аспекта: 1) экономическая ценность пастбищ и кочевий, 2) пространство – территория и 3) народ, разделенный структурно, по административному принципу.

Низкая отдача и эффективность степных пастбищ (по сравнению с аналогичными площадями обрабатываемых земель) предопреде-

лили не малоценность, а большую значимость широких территорий. Все выгодные пастбища ойкумены кочевников поделены изначально, и передел этих земель мог осуществляться только военным путем. Нарративисты отмечают наличие межей между административными частями государства тюркютов и между хозяйственными территориями, из контекста ясно, что об этих межах знали все. Право первозахвата осуществлялось кошами только внутри родоплеменных территорий, при выходе из нее первозахват терял юридическую силу. В зависимости от взаимоотношений двух объединений такой шаг рассматривался в параметрах от случайной ошибки до преднамеренного акта агрессии. Каждый кочевник знал свои жизненные родовые пространства и крайне осторожно выходил за пределы их. Защита жизни гостя по праву гостеприимства прекращалась при выходе из внутренних пространственных границ рода, и эти границы обеспечивали правовую защиту рода.

В земледельческом аграрном обществе Центральной Азии и других стран население проживает в стационарных поселениях и городах. Они привязаны средствами производства, способом добывания жизненных благ к определенной местности. Поэтому административные области в этой зоне образуются путем разделения людей, проживающих в определенном округе, на территориальные районы. Разделу в этом аспекте подвергается территория и, как следствие, население, на которой они проживают. Территория без людей, там проживающих, даже в оседло-земледельческих обществах не имеет какого-либо значения.

Тюркюты были хорошо информированы о китайской административной системе, даже переняли такой элемент, как «тутуки» (при династии Тан – главы территориальных округов), но полностью скопировать китайское террито-

риально-административное деление они не могли в силу разных базовых причин. Власть в кочевых обществах даже при наличии значительного полуседлого и оседлого слоя в большей мере базируется, в силу хозяйственных причин, на населении, что не исключает сочетание население - территория. Поэтому в качестве исходной формы они взяли традиционное деление общества на роды и союзы родов, существенно изменив их содержание, исходные формы, тем самым превратив их в подразделения административно-территориальной системы кочевничьего государства. Унификация родов применительно к государственному управлению в новой политической организации происходит путем соединения огов в будуны, т. е. родов в административные племена, административные союзы родов. Уже к середине VI века число таких будунов достигнет десяти. Во главе них каганом назначаются Великие э/иркины, что не исключает сохранение выборности бегов в родах-огушах внутри будуна.

Данная десятка будунов из природных (первоначально объединенных родов) тюркютов станет каркасом АТС древнетюркских каганатов. В территориально-административном плане тюркюты четко различали земли своих ханств, будунов, тутукств и владения шадов. Тюркютские первоначальные коллективы – оги или огуши приписывались в тот или иной административный округ: будун, ог или огуз, возглавляемый э/иркинами и эльтеберами. В новых степных районах у местных кочевников, которые оказались в составе ханства или владения шада, изымались земли в пользу переведенных на службу тюркютов и их семей. Из этого мы можем сделать вывод, что все структурные объединения в государстве тюркютов можно разделить условно на две категории: 1) преимущественно объединения хозяйственного типа: оги, аулы, коши и будуны (под ними предполагается категория «хозяйственная территория»), которые также выступают первоначальными административными единицами, и 2) административно-территориальное, пространственное деление тюркютов: ханства, тутукства, владения шадов, земли войсковых крыльев, а также территории подчиненных в ходе завоеваний других этносов. Контролируемые, зависимые государственные объединения в структуре каганата

прикреплены фактически на федеративно-автономной или протекторатной основе.

В этой связи положение, выработанное теоретиками права и государства, о том, что важнейшим признаком государства является организация общества *исключительно* по территории и по месту жительства, требует существенной детализации и уточнений в отношении до-буржуазных кочевничьих обществ.

I каганат в территориальном плане был разделен на четыре ранжированных удела-ханства, что доказывает немаловажную ценность второго (территориального) компонента АТС для кочевников. Каганы получили право производить структурные административно-территориальные перестройки отдельных звеньев общества и назначать туда шадов, иркинов, эльтеберов. Это было продиктовано естественными причинами, связанными с переселением части населения на вновь завоеванные земли. Однако ашинаиды использовали данный процесс для унификации огов и бодов в интересах мобилизационного плана, оптимизации структуры армии и государственного управления. Наиболее известный пример – реформа 638 года в Западном каганате [1, с. 118-119], и именно таким образованием является структура «он ок будун», создаваемая повсеместно.

Номады не кочевали, где им заблагорассудится, они имели свои фиксированные пастбищные и кочевые территории и границы, которые охранялись ханами. При захвате новых земель роды природных тюркютов обеспечивались от кагана пастбищными территориями. Территория ханств в этой связи повторяла конфигурацию хозяйственных территорий приданных им родов и будунов.

Десять будунов делились не поровну по этим уделам-ханствам. Мы можем с большой долей вероятности предположить о принадлежности рода ашина Восточному, а ашидэ к Западному ханству.

В плане АТС отдельного внимания заслуживает этимология и семантика родовых компонентов древнетюркского общества.

Обзор рунических документов позволяет выделить два варианта слова «будун»: «кара будун» и просто «будун». Семантическое значение этих двух понятий различное. Однобокий перевод слова «кара» на современный манер понятием «черный», без учета его поли- и па-

леосемантического характера, долгое время, а порой и сейчас, давал основание для многих, не всегда удачных теоретических построений. Например, о существовании классов, феодальной экономической эксплуатации и т. д. В древнем значении, в том числе в тюркской рунике, это слово означало превосходную степень слова «большой» в значении «великий», «значимый», а также «могучий», «сильный». Но даже с учетом эпитатива «великий будун» на тюркских стелах – это не только элемент торжественного слога, а конкретное обозначение большого тюркютского общества в его единстве и мощи, а «будун» – объединение родов в одном подразделении.

Слово «ог» и производное от него «огуз» со времен Е. Pritsak принято переводить как «стрела» («народ десяти стрел» например) без учета того, что данное звуковое сочетание (ог) близко, но полностью не равняется древнетюркскому слову «ок» – семя, род и далее в этом же значении. Данное значение зафиксировано в языке сары уйгур [2, с. 81].

С.Г. Кляшторный предпочитает видеть данный термин как цельный этноним «огуз» с тотемистским оттенком, а «телэ» как прозвище, данное китайцами тюркоязычному автохтонному населению Алтая. В качестве подтверждающего аргумента он приводит этноним «огур», применяемый в отношении праболгар, этимологически тождественный понятию «огуз» и мифическому Огуз-хану [3, с. 64]. Однако данная версия, взятая С.Г. Кляшторным из Абул Гази, автора XVIII века, скорее всего, является поздней попыткой огузов осмыслить свой этноним [4, с. 40-51]. Схожую версию предлагает Ю.А. Зуев. В своей реконструкции он относит «огуз» к западнотохарскому названию быка «okso» – «okuz» [5, с. 44]. В то же время, как он сам же отмечает, для обозначения быка в телетских языках сохранилось название «бука» [5, с. 44].

С.Г. Агаджанов и Р.В. Golden независимо друг от друга более всего приблизились к разгадке слова «ок». Они обратили внимание на двойной характер этого понятия и в значении «стрела», и как «родоплеменное подразделение» [6, с. 12]. «Бод» – по Р.В. Golden-у – это также род, племя, а «будун» – «организованное племенное общество, управляемое одним управляющим лидером» [7, с. 8], а «огуз» он пере-

водит, ссылаясь на М. Кашгарского, как «несколько групп людей, которые держатся вместе» [7, с. 22]. С.Е. Малов также использует это слово в значении «союз племен» [8, с. 36]. В.В. Радлов считает «будун» союзом племен [9, с. 16, 17, 18]. Составители «древнетюркского словаря» аналогично предлагают под «bod» значение «племя, род» [10, с. 107], а под «oguz» – «племя, объединение племен» [10, с. 365].

При непринципиальной детализации последнее мы вслед за Л.Н. Гумилевым относим к значению «союзный род», например, «уч огуз» – три союзных рода, «сегиз-огуз» – восемь союзных родов и т. д. «Будун» однозначно также означает «союз племен», но, исходя из контекста орхонских текстов, это слово применяется в основном в значении «единый родоплеменной народ». Р.В. Golden, основываясь на орхонских текстах, подчеркивает, что «тюрк будун» и «огуз» так же, как и их «беги», не противопоставляясь, разделяются составителями текстов [11, с.61; 7,с.9]. Очень удачно соотношение между понятиями «огуз» и «будун» объяснил Л.Н. Гумилев: «...Уйгуры, подчиненные тюркам, стали по отношению к ним будунном, но, сохранив свое внутреннее устройство, не перестали быть огузами» [12, с. 16-26], т. е. войдя в состав Эля, оставили часть своих суверенитетных прав, сохранив статус союзников.

В период каганатов понятия «ок» [13, с. 226] и «будун» в значениях «род» и «племя», в отличие от предыдущего времени, при сохранении основного значения существенно изменили семантическое содержание. По существу, оги и будуны превратились, как мы указывали выше, в административно-территориальные единицы государства. Соединение мелких общин и родов в родовые группы и в союзы родовых групп в подразделения АТС привело к тому, что под этими обозначениями скрывалось уже гораздо больше людей, чем под традиционным родом до каганского периода.

Создание АТС позволило верховной власти назначать своих людей во главе данных подразделений в виде «великих иркинов» или «чоров» [14, с. 2], что увеличило кагану административный потенциал его власти. Таким образом, мы бы хотели отметить этимологическую обоснованность аргументаций Е. Pritsak и других, находящих подтверждение в языковой основе тюрко-монгольских народов

в отношении понятия «okuz». У скотоводческих народов для домашних животных существует широкий выбор названий-характеристик. В данном случае «okuz» – это обозначение кастрированного быка. Китайское прозвище все же звучало не по фонетике, а по смысловому выражению этноса. Они называли телэ – «гаогюй» – тележники. Это дает основание нам утверждать, что «телэ» являлся к началу VI века этнонимом совокупности родов, обитавших в Саяно-Алтайском регионе, а термин «огуз» тюркюты использовали как в значении «союз родов», так и в значении административной единицы государства с искусственным объединением ряда родов, а так же «огузы» – это примкнувшие к каганату федераты, которые предварительно соединились между собой и лишь потом заключили союзный договор с тюркютами. Широко известно, что средневековые сырдарьинские огузы сами себя называли «тюрками», это подтверждают и русские летописи, в которых они именуется «торками», «тюрками». Исходя из количественных составляющих огузов, мы пришли к выводу, что Тюрк Эль заключал договоры только с крупными объединениями номадов.

тивной единицы государства с искусственным объединением ряда родов, а так же «огузы» – это примкнувшие к каганату федераты, которые предварительно соединились между собой и лишь потом заключили союзный договор с тюркютами. Широко известно, что средневековые сырдарьинские огузы сами себя называли «тюрками», это подтверждают и русские летописи, в которых они именуется «торками», «тюрками». Исходя из количественных составляющих огузов, мы пришли к выводу, что Тюрк Эль заключал договоры только с крупными объединениями номадов.

Список использованной литературы:

1. Кычанов Е.И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М.: Восточная литература, 1997, 521 с.
2. Малов С.Е. Язык желтых уйгур. Алма-Ата: АН КазССР, 1957, 197 с.
3. Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г. Степные империи Евразии. СПб.: Фарн, 1994, 168 с.
4. Кононов А.Н. Родословная туркмен. Сочинение Абуль-Гази хана хивинского. М.-Л.: АН СССР, 1958, 192 с.
5. Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: Дайк-Пресс, 2002, 332 с.
6. Golden P.V. Khazar studies. Budapest: Akademiai Kiado, 1980, 252 с.
7. Golden P.V. Entnicity and state formation in pre-cinggisid turkis Eurasia. Bloomington: Indiana Universiti, 2001, 190 с.
8. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л.: АН СССР, 1959, 111 с.
9. Радлов В.В., Мелиоранский М.П. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме. СПб.: Императорская типография, 1897, т. 4, 45 с. (без приложений).
10. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969, 678 с.
11. Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М.: Клышников-Комаров и К, 1993, 524 с.
12. Гумилев Л.Н. Орды и племена у тюрков и уйгуров // Материалы по этнографии. Л., 1961, с. 16-26.
13. Цэдэндамба Ц. Монгол-орос-англи толь. Улаанбаатор: БНМАУ, 1986, 332 с.
14. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.-Л.: АН СССР, 1950, т.1, 381 с.